

ПЕРЕГОВОРЫ МЕЖДУ РОССИЕЙ И РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ
О СОЮЗЕ ПРОТИВ ОСМАНОВ (1673–1676 г.)

Вопрос о совместной борьбе с экспансией Османской империи встал перед правительствами России и Речи Посполитой, когда обозначилась перспектива усиления османской экспансии в восточноевропейском регионе. О необходимости совместного противодействия такой угрозе говорилось уже в Андрусовском договоре, положившем в начале 1667 г. конец долголетней русско-польской войне. Конкретные условия такого взаимодействия определял договор, заключенный в Москве в конце 1667 г. В 1-й статье договора фиксировалось обязательство русской стороны в случае нападения османов направить на Украину армию из 5 тысяч конных и 20 тысяч пеших, которые должны соединиться с войсками Речи Посполитой между Днестром и Днестром¹. Угроза нападения резко возросла, когда в марте 1669 г. на раде в Корсуни был провозглашен османский патронат над правобережным украинским гетманством. Уже в декабре 1670 г. в Москву пришла грамота польского короля Михаила с предложением соединить войска для совместного отпора «бусурманам»².

К этому времени в Москву стали поступать сведения о серьезном внутривнутриполитическом кризисе в Польско-Литовском государстве, острых конфликтах между сторонниками и противниками короля Михаила, о назревавшей в стране гражданской войне. Одновременно в таких сообщениях говорилось о связях главы противников короля Михаила командующего польской армией Яна Собеского с правобережным гетманом Петром Дорошенко и османами (см. об этом: [Флоря, 2003; Флоря, 2013]). Возникла опасность, что на Правобережье русская армия может столкнуться с соединенными силами османов, Дорошенко и Собеского³. Все это побудило русскую сторону на переговорах о заключении нового русско-польского договора пересмотреть достигнутые ранее договоренности. В новом договоре, заключенном в марте 1672 г., говорилось также о совместных действиях против османов, но отсутствовало положение о соединении армий⁴. Вопрос о соединении армий должен был стать предметом дальнейших переговоров между государствами.

Первоначально этот вопрос на время перестал быть актуальным. В войне с османами Речь Посполитая, в которой фактически начиналась гражданская война, потерпела поражение и вынуждена была согласиться на мир, продиктованный победителем.

Скоро, однако, положение дел изменилось. Произошло примирение враждующих группировок политической элиты Речи Посполитой. Собравшийся в первой половине 1673 г. сейм не одобрил мирного договора и вотирует средства на содержание армии для войны с османами [Korzon, s. 315, 348–353]. Вопрос о военно-политическом сотрудничестве с Россией снова стал актуальным. Начались переговоры о военном союзе, они продолжались несколько лет и закончились безрезультатно. Вопрос о причинах неудачи переговоров так и не стал предметом специального рассмотрения.

Н. И. Костомаров, изучавший документы Малороссийского приказа этих лет, полагал, что русская сторона не желала сотрудничества и действовала, «как будто надсмехаясь над поляками» [Костомаров, с. 260]. Однако эти утверждения сделаны без какого-либо обращения к материалам русско-польских переговоров.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 1. С. 728–731.

² Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее – АЮЗР). СПб., 1877. Т. IX. № 78.

³ О такой возможности см. в наказе для русских представителей на будущих мирных переговорах (АЮЗР. Т. IX. № 90. С. 367, 369).

⁴ О содержании договора см.: [Wójcik, 1968, s. 296 i n.].

Сведения о переговорах, содержащиеся в делах Посольского приказа, были рассмотрены в ряде разделов «Истории» С. М. Соловьева [Соловьев, 1961, с. 514–516; Соловьев, 1962, с. 220]. С. М. Соловьев привел ряд предложений и аргументов русской стороны. Сделано это было в виде сокращенного пересказа архивных документов без каких-либо авторских комментариев. К тому же были рассмотрены не все этапы переговоров. О переговорах, которые вело в Москве более посольство К. Чихровского, писал более подробно Е. Е. Замысловский [Замысловский, с. 3–12]. В дальнейшем поднятая С. М. Соловьевым и Е. Е. Замысловским тема не получила развития.

Сходную картину видим и в польской исторической литературе. Еще в конце XIX в. известный исследователь русско-польских отношений А. Даровский опубликовал статью о русско-польских переговорах 1674 г. с подробным изложением отчетов посланника Речи Посполитой [Darowski, s. 3–136]. Его инициатива не получила продолжения. Это, однако, не помешало исследователям делать решительные заключения о характере русской внешней политики в 70-е годы XVII в. Так, Я. Волиньский утверждал, что Россия обещала помощь, желая продолжения польско-турецкой войны, но выдвигала при этом невыполнимые условия (например, о созыве сейма) в начале 1675 г. [Woliński, s. 501]. К сожалению, такое заключение автор никак не обосновывает. В монографии Э. Вуйцика, специально посвященной отношениям России, Речи Посполитой и Османской империи в 70-е годы XVII в., повторяются оценки Я. Волиньского и также без обоснования [Wójcik, 1976, s. 34–35]. История дипломатических миссий Речи Посполитой в Москве в книге не рассматривается. Они только кратко отмечаются. В современной монографии о польско-османской войне имеются лишь краткие упоминания о русско-польских переговорах [Wagner, s. 4–45, 145–146, 149, 216–217].

Таким образом, важная тема по истории русско-польских отношений в XVII в. остается, по существу, серьезно не исследованной. Между тем сохранившиеся записи переговоров дают возможность достаточно точно охарактеризовать позиции сторон на переговорах, а имеющиеся материалы архива русского резидента в Варшаве В. М. Тяпкина позволяют установить, какими сведениями о положении в Речи Посполитой и состоянии ее армии располагали политики в Москве, принимая свои решения.

Наконец, документы, отложившиеся в архиве Малороссийского приказа, позволяют судить, какие меры предпринимались для реализации достигнутых договоренностей. Записи бесед политиков Речи Посполитой с В. М. Тяпкиным, обращения польского резидента в Москве П. Свидерского и тексты передававшихся им документов дают возможность достаточно точно представить различные шаги, предпринимавшиеся польско-литовской стороной.

Русской помощи Речь Посполитая стала добиваться осенью 1673 г., когда возобновилась ее война с османами. Предложения польской стороны изложил польский резидент П. Свидерский, прибывший в Москву в начале сентября 1673 г.⁵ Резидент добивался, чтобы русское правительство направило на юг, к Днестру, 40-тысячную русскую армию на соединение с войсками Речи Посполитой⁶. При этом речь не шла о заключении какого-либо соглашения, которое определяло бы характер взаимодействия двух армий. По-видимому, предполагалось, что эта армия будет подчиняться руководству польского командующего. Отношение к этим предложениям в Москве было обусловлено впечатлениями от событий 1672 г., неверием в способность Речи Посполитой противостоять наступлению османов. Так, 17 сентября резиденту говорили, что «всякой государь вспомоществует тому, которые сами о себе радеют и промысл чинят, а в стороне королевского величества сенатори толко противни королевскому величеству и ево не почитают, а промыслу никакова против неприятелей не чинят, а иные в государстве

⁵ РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). 1674 г. № 8. Л. 27.

⁶ Там же. Л. 62–63.

королевского величества и то говорят, что такой же, де, им пан и турок, и всякой называет себя королем»⁷. Резидента — литовского шляхтича даже обнадеживали тем, что «буде корунные подадутца турку», то царь «турка до княжства Литовского не допустит»⁸.

Положение дел серьезно изменилось, когда в конце 1673 г. польско-литовские войска во главе с Яном Собеским разбили османскую армию под Хотинном, а затем, весной 1674 г., победитель османов был избран польским королем. Это создавало, конечно, более благоприятную ситуацию для переговоров о военном союзе против османов. Однако с выбором Собеского на пути к такому союзу появились новые препятствия. В правление короля Михаила Вишневецкого, женатого на сестре императора Леопольда I, правитель придерживался проавстрийской ориентации и был сторонником создания антиосманской коалиции России, Польско-Литовского государства и Австрии. Ян Собеский же был главой «профранцузской» партии, ориентировавшейся на сближение с такими союзниками Франции, как Османская империя и Швеция. О такой ориентации Яна Собеского в Москве было известно уже в 1671–1672 г. Сразу после его избрания литовские политики — враги Собеского говорили и об антирусских планах Собеского. Троцкий воевода М. Огинский информировал русских дипломатов о его намерении после заключения польско-турецкого мира «с частью войска турецкого и с Крымом конечно идти на Московское государство»⁹. Все это никак не способствовало установлению между обеими сторонами доверия, которое было важным предварительным условием для заключения соглашений о военном сотрудничестве.

Внешне картина отношений выглядела вполне благополучной. Уже в конце июня 1674 г. в Москве было получено сообщение В. М. Тяпкина, что в Москву направляется посланец Речи Посполитой С. Венславский «о потвержении дружественного союза войсковых послалках и в общем стоянии»¹⁰. 1 июня муж сестры Яна Собеского М. Радзивилл убеждал В. М. Тяпкина, что король желает «ссылки» и «союза» с Россией¹¹. Польный гетман коронный Д. Вишневецкий в письме к киевскому воеводе Ю. П. Трубецкому выражал надежды на то, что в июле 1674 г. произойдет соединение русской армии и польских войск во главе с королем¹². В конце июля с В. М. Тяпкиным беседовал подканцлер коронный А. Ольшовский, который убеждал, что король хочет союза с Россией «против турецких людей и татар». Он заявлял, что если русские войска подвергнутся нападению османов, то польское войско «от Треполя» ударит османам в тыл¹³.

Посланец Речи Посполитой С. Венславский прибыл в Москву в начале августа 1674 г. К этому времени в июле 1674 г. большие силы османов и татар сконцентрировались на Пруте в районе Цецоры и опасность нового вторжения османов стала реальной [Wagner, s. 58–59]. Вместе с тем В. М. Тяпкин ничего не сообщал о каких-либо действиях войск Речи Посполитой против османов. Многие сеймики средств на содержание армии «давати не хотят», денег нет, и войско не собирается¹⁴.

Эти сообщения, как представляется, оказали влияние на решение русского правительства снова отклонить предложение о походе русской армии к Днестру. Для такого похода необходимо готовить большие обозы «воинских всяких и кормовых запасов», так как «к Днестру все пусто»¹⁵.

К тому времени, когда С. Венславский покидал Москву, нападению османов подверглись земли Правобережной Украины, весной-летом 1674 г. подчинявшиеся русской власти. В Москве

⁷ Там же. Л. 279–280.

⁸ Там же. Л. 280.

⁹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 160. Л. 240 об.

¹⁰ Там же. Л. 268.

¹¹ Там же. Л. 270 об.–272. См. также: [Попов, с. 82].

¹² АЮЗР. СПб., 1879. Т. XI. № 161.

¹³ РГАДА. Ф. 79. Кн. 160. Л. 340–346, 360 об.–364. См. также: [Попов, с. 88–89].

¹⁴ РГАДА. Ф. 79. Кн. 160. Л. 299–299 об., 307.

¹⁵ РГАДА. Ф. 79. 1674 г. № 14. Л. 153–155; [Darowski, s. 51].

ожидали, что на помощь русским войскам придет польская армия. Когда русско-украинская армия, осаждавшая летом 1674 г. Чигирин, была вынуждена отойти к Черкаскам, в лагерь русских войск прибыл гонец Д. Вишневецкого Скулимовский, который предлагал русским военачальникам идти к Львову и Тарнополю¹⁶. В присутствии гонца допрашивали пленных татар, которые сообщили, что они «о полских войсках и не слышали»¹⁷. В этих условиях было принято решение отвести армию за Днепр. В грамоте Алексея Михайловича Яну Собескому от 22 августа с беспокойством отмечалось, что вы «за теми неприятели, турскими и крымскими людьми, в тыл не идете, и нигде про те войска не слышали»¹⁸.

Вместе с тем в Москве принимали серьезные меры для организации отпора османам. Уже С. Венславскому до его отъезда было сказано, что «всего своего государства ратным людем указал великий государь к своему государского походу бысть готовым»¹⁹. 21 августа посланнику сообщили о решении направить на Украину большую армию во главе с Ю. А. Долгоруким и через него предлагали, чтобы король с войском «против тех же неприятелей изволил идти в тыл потому ж вскорее»²⁰. 1 сентября воеводы, которые должны были возглавить армию, были «у руки» Алексея Михайловича²¹. Шла активная подготовка к походу, когда 19 сентября от командующего войсками Белгородского разряда Г. Г. Ромодановского пришли сообщения, что «турской салтан отступил к себе и крымские люди воиною ходят небольшие»²². От В. М. Тяпкина по-прежнему не поступало сообщений о действиях польско-литовских войск против османов. Он писал, что «поляки сидят по домом и отнюдь помочи от них не будет»²³. В. М. Тяпкин прислал также запись своих бесед в сентябре с литовским великим гетманом М. Пацем, который сообщал, что османы пришли на занятые русскими войсками земли Правобережной Украины «по повелению и согласию королевскому». Что Ян Собеский «турков и татар наговорил тайным способом» напасть на эти земли, говорил В. М. Тяпкину и бранденбургский резидент И. Ховербек²⁴.

В это время в Москву снова прибыл С. Венславский с новыми предложениями Собеского. На встрече с А. С. Матвеевым 18 сентября он предложил направить русские войска за Днепр на соединение с собравшейся на юге польской армией²⁵. Реакция А. С. Матвеева оказалась весьма острой: русские войска на Правобережье были «без помочи королевского величества побиты», страна затем была разорена и поэтому войскам «на ту сторону Днепра итти невозможно». К тому же «королевского величества войск и ныне на Украине нет»²⁶. Несмотря на эти упреки, вопрос о сотрудничестве обоих государств не снимался с повестки дня, но для его осуществления выдвигались определенные условия. Во врученном С. Венславскому 23 сентября «ответе» предлагалось собрать высший орган власти в Речи Посполитой — сейм, который принял бы решение, «как неприятелем вопче отпор чинить»²⁷. Это предложение повторялось затем в царской грамоте Яну Собескому: сейм должен принять специальную конституцию, где было бы зафиксировано, «где и в которое время» произойдет соединение войск двух государств²⁸. В «ответе» пояснялось, что тогда это решение будет «крепко и постоянно», «а не так, как ныне», когда «хто хочет, тот для промыслу против неприятеля и идет»²⁹.

¹⁶ О поездке Я. Скулимовского см.: Синбирский сборник. М., 1845. Т. I. Малороссийские дела. С. 206–210.

¹⁷ Об этом сообщал В. М. Тяпкин (РГАДА. Ф. 79. Кн. 160. Л. 591).

¹⁸ РГАДА. Ф. 79. 1674 г. № 15. Л. 12 и сл.

¹⁹ РГАДА. Ф. 79. 1674 г. № 14. Л. 389–390.

²⁰ Там же. Л. 457–458, 497–498.

²¹ Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. III. Стб. 984–985.

²² Там же. Стб. 1036.

²³ РГАДА. Ф. 79. Кн. 160. Л. 384 об.

²⁴ Там же. Л. 424, 436 об.

²⁵ См. текст поданных им «статей»: РГАДА. Ф. 79. 1674 г. № 18. Л. 58–65.

²⁶ Там же. Л. 69, 78–79.

²⁷ Там же. Л. 136.

²⁸ РГАДА. Ф. 79. 1674 г. № 15. Л. 84.

²⁹ РГАДА. Ф. 79. 1674 г. № 18. Л. 136–137.

Таким образом, это решение должно было способствовать мобилизации ресурсов Речи Посполитой на борьбу с османами. Однако, выдвигая его, русские политики преследовали и другие цели. Решение сейма должно было быть гарантией того, что русская армия не окажется в опасности из-за антирусских планов Яна Собеского. Наконец, имелось в виду, как представляется, еще одно обстоятельство. В Москве располагали сведениями о непрочном положении нового монарха. Так, В. М. Тяпкин писал, что шляхта в Жемайтии не хочет признавать Собеского законным королем и «многие... народы шляхетские с ними во единомыслии согласуютца»³⁰, а М. Пац говорил резиденту, что планы короля не осуществляются, так как его «крепко ненавидят... а наипаче войсковые желнеры»³¹. Решение сейма могло быть и гарантией того, что договор будет выполнен, даже если Собеский уйдет. В «ответе» предлагалось, чтобы сейм собрался и принял решения до следующей весны, «чтоб к весне над неприятелем обоим войскам быть в готовности»³².

Одновременно вопрос о «случении сил» для борьбы с османами занял важное место на переговорах, которые начались осенью 1674 г. между «великими» послами обоих государств в Андрусове. В соответствии с выработанной еще при заключении Андрусовского договора процедурой, «великие» послы должны были обсуждать возможные условия «вечного» мира между Россией и Речью Посполитой, а также спорные и нерешенные вопросы в отношениях между государствами («трудности»), к числу их относился и вопрос о «случении» (соединении) армий двух государств для войны с османами.

Вопрос о заключении «крепчайшего союзу... против общего неприятеля салтана» был поднят комиссарами Речи Посполитой еще до встречи двух делегаций в самом начале сентября 1674 г.³³ Первоначально под влиянием событий на Украине «великим» послам из Москвы было предписано занять жесткую позицию. В грамоте от 2 сентября подчеркивалось, что русские войска на Украине летом 1674 г. сражались одни, «не получив помочи королевского величества. Для того и ныне наши войска с корунными и литовскими для промыслу над неприятели случатца невозможно»³⁴. Однако такая позиция, которой послы и придерживались, на деле не была столь категорической. Характерно, что послы дважды обращали внимание комиссаров на решение царя лично выступать в поход против османов³⁵. Комиссары также сообщали, что «к дружбе и любви» с Речью Посполитой царь войска Г. Г. Ромодановского и И. Самойловича «по домам распустить не указал» и туда даже отправлены «вновь ратные конные и пешие многие люди»³⁶. Тем самым, как представляется, комиссарам давалось понять, что царь готов вести войну с османами в союзе с Речью Посполитой, если его удовлетворят предложенные условия.

Два обстоятельства способствовали такому подходу. Во-первых, переговоры с С. Венславским в сентябре-октябре 1674 г. показывали, что Ян Собеский усиленно добивается соглашения о соединении армий и можно было бы попытаться при этом добиться благоприятных условий для русской стороны. Во-вторых, с польско-литовской стороны было выдвинуто предложение продлить действие договора о перемирии, если будет заключено соглашение о соединении армий³⁷.

В грамоте от 16 октября «великие» послы получили полномочия вести с комиссарами переговоры о «случении» войск и продлении перемирия, ориентируясь на результаты переговоров с С. Венславским³⁸. Согласно этим указаниям послы подняли вопрос о созыве сейма и принятии

³⁰ РГАДА. Ф. 79. Кн. 160. Л. 404–405.

³¹ Там же. Л. 424.

³² РГАДА. Ф. 79. 1674 г. № 18. Л. 137–138.

³³ РГАДА. Ф. 79. Кн. 168. Л. 66–66 об.

³⁴ РГАДА. Ф. 79. 1674 г. № 10. Л. 162–163.

³⁵ РГАДА. Ф. 79. Кн. 168. Л. 129 об., 189–189 об.

³⁶ Там же. Л. 274–274 об.

³⁷ См. об этом в грамоте послов: РГАДА. Ф. 79. 1674 г. № 10. Л. 195.

³⁸ Там же. Л. 203–204.

им соответствующих решений. Послы высказывали убеждение, что порядки в Речи Посполитой, когда «кто хочет на войну идет, а кто не хочет, дома пребывает», представляют важное препятствие на пути к взаимодействию: «как с такими случатца, которые и государю своему королевскому величеству непослушны и к обороне отчизны своей... в самое нужное время ленивы». Требуются поэтому решения высшего органа власти — сейма, чтобы «постановление» о соединении армий «было крепко и постоянно и впредь на обе стороны надежно и безопасно»³⁹.

Предложения эти не встретили благоприятного отклика с польско-литовской стороны. Созыву сейма, как заявили комиссары, «быть ныне невозможно и неколи». Ближайший сейм будет коронационным, а на таком сейме «иных дел у них не предлагают»⁴⁰. Вместе с тем, не давая русской стороне каких-либо гарантий, они добивались, чтобы царь приказал Г. Г. Ромодановскому и И. Самойловичу, «чтоб его королевскому величеству в воинских делах были послушны»⁴¹.

Вместе с тем внимание в Москве привлекло предложение комиссаров обновить соглашение о «случении» армий «способом новым»⁴². 27 октября царь предложил, чтобы комиссары передали для отсылки в Москву «письмо о способе случения сил»⁴³. Тем временем польско-литовской стороне снова дали понять, что в Москве относятся серьезно к возможным совместным действиям. В грамоте, отправленной Яну Собескому 26 ноября 1674 г., отмечалось, что на соединение с войсками Речи Посполитой будет отправлена армия во главе с Ю. А. Долгоруким, а воеводы, которые должны подготовить его поход, находятся с войском в Севске⁴⁴.

Как представляется, многое зависело от того, какие «новые способы» соединения армий предложат комиссары. Когда 27 ноября комиссары прислали «великим» послам письмо со своими предложениями⁴⁵, они не смогли удовлетворить русскую сторону. В нем предлагалось руководствоваться установлениями Московского договора 1668 г., не налагавшего на польско-литовскую сторону никаких обязательств, а единственной гарантией выполнения договоренностей должна была служить совместная присяга командующих двух армий. 6 декабря на «письмо» комиссаров последовал отрицательный ответ царя⁴⁶. В нем подчеркивалось, что действия обеих армий станут возможны после того, как «о случении войск подлинное постановление на сейме учинитца».

На этом переговоры о «случении» войск в Андрусове закончились. Их исход, как представляется, способствовал тому, что решение о походе царя Алексея Михайловича против «бусурман» так и не было проведено в жизнь.

Собранная Яном Собеским армия выступила в поход в конце октября, когда османские войска уже ушли за Днестр, и сравнительно легко установила свою власть на землях, ранее занятых османами [Wagner, s. 83–92]. Когда поход успешно завершился, польская сторона предложила новый план совместных действий. На встрече 30 ноября литовский канцлер К. Пац сообщил В. М. Тяпкину о плане похода на земли Дунайских княжеств, откуда можно будет «ходить за Дунай войною». Для участия в походе царь должен направить 15-тысячную армию, «чтоб то войско зимовало в Волохах и Мултянах при его королевском величестве под его послушаньем»⁴⁷.

Таким образом, об обсуждении сторонами некоторого общего плана действий речи не было. Русские войска должны были направиться туда, куда найдет нужным их направить

³⁹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 168. Л. 285 об.—286.

⁴⁰ Там же. Л. 278—278 об.

⁴¹ Там же. Л. 284 об.

⁴² Там же. Л. 287 об.

⁴³ Там же. Л. 309 об.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 79. 1674 г. № 15. Л. 87.

⁴⁵ Текст письма см.: Там же. Л. 383—386.

⁴⁶ Там же. Л. 428 об.—435 об.

⁴⁷ Запись беседы см.: РГАДА. Ф. 79. Кн. 160. Л. 638—639; Кн. 164. Л. 172—174.

король, и подчиняться его приказам. Вместе с тем К. Пац утверждал, что следует действовать, не дожидаясь решений сейма. Тем самым, желая получить в свое распоряжение русскую армию, Ян Собеский одновременно отказывался дать гарантии, которых добивалась русская сторона. Неудивительно, что в грамоте Алексея Михайловича от 19 декабря 1674 г. был снова поднят вопрос о соглашении о «случении сил» и о решениях сейма⁴⁸.

К тому же к концу 1674 г. в Москве уже знали о самовольном уходе литовских войск во главе с М. Пацом «зимовать» на земли Великого княжества и о плохом состоянии «зимовавшей» на южных землях польской армии. Как писал В. М. Тяпкин А. С. Матвееву, «жолнеры из обозу бегут многие... которым заслуженные четверти плата не дошла»⁴⁹. И позднее от него приходили сообщения о тяжелом положении этой армии. Так, в марте он писал, что «мало что при конех есть, все пеши и нужны зело и бредут в рознь», а татары их «бьют и в полон емлют безпрестанно»⁵⁰.

Зимой 1674/1675 г. Ян Собеский прилагал усилия к тому, чтобы добиться приемлемых условий мира с Османской империей при посредничестве Крыма, но они оказались безрезультатными [Wagner, s. 106–108]. Так сохранялась необходимость поисков военно-политического сотрудничества с Россией.

Сохранялась заинтересованность в таком сотрудничестве и в России, которой тоже могло угрожать наступление османов. В январе 1675 г. В. М. Тяпкин сумел получить письмо П. Свицерского из Москвы, где сообщалось, что «зде (то есть в Москве. — Б. Ф.) всегда бояре ведомо чинят, что царское величество сам особою своею на весну идти хочет прямо к Путивлю», туда уже отправлены «запасы воинские», пехота и «избы поделаны около двора царского»⁵¹. Таким образом, в Москве, по-видимому, продолжали считать актуальным план действий, намеченный осенью 1674 г.

18 марта 1675 г. Ян Собеский направил в Москву своего посланца, ротмистра Александра Кладницкого для переговоров о совместных действиях против османов [Wagner, s. 145]. Переговоры его с А. С. Матвеевым начались 17 апреля 1675 г. От Москвы ожидали крупных военных акций. Россия должна была направить на Крымский полуостров 30–40-тысячную армию, чтобы заставить орду вернуться в Крым⁵². Одновременно следовало отправить на Правобережье войска во главе с левобережным гетманом И. Самойловичем «по первой траве о Егорьеве дни русском», чтобы они «повеленья королевского величества слушали»⁵³. Вместе с тем никаких обязательств со своей стороны Ян Собеский не предлагал. О сейме и его возможных решениях, в частности, ничего не говорилось. Во время последующих переговоров выяснилось, что поход на Крым должны были предпринять только русские войска⁵⁴, и на первый план выдвинулся вопрос о совместных действиях войск двух государств на Правобережье. Посланник предлагал войскам встретить неприятеля «около Коростышева и Фастова, и Мотовиловки»⁵⁵, и что «далее Паволочи» король «войск царского величества употреблять не учнет»⁵⁶. Эти детали позволяют представить предложенный Собеским план действий. Располагая сведениями о приходе хана к Чигирину⁵⁷, Ян Собеский ожидал похода вражеских сил на север вдоль правого берега Днепра и планировал создать на этом пути линию обороны. Можно полагать, что план этот был для русской

⁴⁸ РГАДА. Ф. 79. 1674 г. № 15. Л. 111–138.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 163. Л. 143.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 79. Кн. 173. Л. 100.

⁵¹ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 5. Л. 76.

⁵² РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 8. Л. 188.

⁵³ Там же. Л. 126, 135–136.

⁵⁴ Там же. Л. 217–222.

⁵⁵ Там же. Л. 239.

⁵⁶ Там же. Л. 240.

⁵⁷ Об этом неоднократно говорилось на переговорах (Там же. Л. 69, 71–72, 87–89).

стороны приемлемым, поскольку армия не должна была идти на юг по разоренной стране, но вставал вопрос о гарантиях. Нельзя было ожидать созыва сейма в обозримом времени, поэтому такой гарантией для русской стороны должен был стать договор между военачальниками «с обеих сторон»⁵⁸. В таком договоре должны были быть указаны место и время соединения войск, условия их взаимодействия, в документ должно было войти и обязательство не заключать сепаратных соглашений с неприятелем⁵⁹. Предполагалось, что после заключения такого договора русские войска перейдут Днепр и будут действовать совместно с войсками Речи Посполитой. Было сделано еще одно важное заявление: если османскую армию возглавит султан, то и царь «изволит идти своею... особою» с войсками «всего своего Российского государства»⁶⁰.

Результаты переговоров современный польский исследователь определил, как «mgliste obietnice» (туманные обещания) [Wagner, s. 146, 149]. С этой оценкой нельзя согласиться. На переговорах было четко сформулировано главное условие сотрудничества — заключение договора с обязательствами обеих сторон, который определял бы характер взаимодействия между ними. Тем самым устанавливалось их равноправное участие в ведении военных действий. Имело значение, что гетманы должны были прийти на место соглашения с войсками. Тем самым русская армия на Правобережье должна была избежать опасности оказаться одной перед лицом османо-татарских войск, как это произошло в 1674 г. Наконец, участие в заключении договора гетманов — лиц, в руках которых находилась вооруженная сила государства, — было определенной гарантией того, что договор будет выполняться даже в случае ухода Яна Собеского с польского трона.

А. Клодницкий вернулся в Варшаву 16 июня н. ст. [Wagner, s. 149]. 15 июня ст. ст. была направлена царская грамота Яну Собескому. В ней указывалось, что князю Г. Г. Ромодановскому и гетману И. Самойловичу поручено заключить с гетманами договор, после чего войска будут переходить Днепр «без замедления»⁶¹. Таким образом, возможные условия сотрудничества были четко зафиксированы в целом ряде посланных королю документов. 25 июня Г. Г. Ромодановскому и И. Самойловичу был направлен царский «указ»⁶², в котором им предписывалось «обрать место блиско Днепра» для сбора войска и договориться с гетманами о «съезде» для заключения договора.

Тем временем в Москву приходили известия о положении в Речи Посполитой, вызвавшие серьезное беспокойство. Так, сообщалось о мирных переговорах Яна Собеского с османами и татарами, на которых обсуждался вопрос о заключении союза против России⁶³. В. М. Тяпкину удалось достать текст грамоты хана Яну Собескому, в которой выражалась надежда, что в будущем «три сабли наши на кого иного обратим»⁶⁴.

Приходили сообщения и о напряженных отношениях монарха и его подданных. Как сообщал В. М. Тяпкин, многие люди «всех чинов» Яна Собеского «за государя имети не хотят и до коронации не допустят» и из-за этого король «в отчаяние приходит»⁶⁵. Сообщал В. М. Тяпкин и о конфликте короля с гетманом М. Пацом и что из-за этого в Речи Посполитой ждут нового «рокоша» — вооруженного мятежа⁶⁶.

Наконец, в Москву приходили известия о плохом состоянии польской армии. Так, В. М. Тяпкин в письме от 22 мая писал, что «войск польских мало что в собранье суть и те зело нужны», а литовское войско отсутствует⁶⁷. Все это побуждало русское правительство

⁵⁸ Там же. Л. 241–242.

⁵⁹ Там же. Л. 256–258. В договоре польско-литовская сторона должна была обязаться, чтобы гетману Самойловичу и Войску Запорожскому «никакова бесчестия и посмеяния ратные люди не чинили».

⁶⁰ Там же. Л. 302–304.

⁶¹ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 2. Л. 75.

⁶² АЮЗР. СПб., 1882. Т. XII. № 48. Стб. 142–143.

⁶³ См., например: РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 6. Л. 51.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 5. Л. 356.

⁶⁵ Там же. Л. 329–332.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 79. Кн. 173. Л. 203 об.–204 об.

⁶⁷ Там же. Л. 203 об., 205.

придерживаться избранной линии поведения. Встретившись 28 июня с П. Свидерским, А. С. Матвеев обратил его внимание на то, что военачальники на Украине ждут известий от гетманов, а их нет, а литовский гетман М. Пац находится в Вильно «и к королевскому величеству не идет». Пока гетманы не достигнут согласия, заявил он резиденту, «случение иметь с ними опасно»⁶⁸.

Об этом же говорилось в царской грамоте, отправленной Яну Собескому 2 июля. В ней царь напоминал главные условия договоренности с Кладницким: русские военачальники готовы заключить договор, когда гетманы «со всеми войски будут в согласии и соберутца, и дадут о себе ведать». Между тем «войск... корунных нигде в собрании против неприятельского наступления нет, а Великого княжества Литовского гетман Михайло Пац с литовскими войски стоит в Вильно»⁶⁹. Одновременно принимались меры, чтобы усилить русско-украинскую армию на Левобережье. В грамоте от того же 2 июля И. Самойловича и Г. Г. Ромодановского извещали, что в Путивль направлен П. В. Шереметев с войском, в армию Г. Г. Ромодановского — смоленская шляхта, полк рейтарского строя, 4 приказа московских стрельцов. Одновременно им предписывалось еще до соглашения с гетманами «часть войска самого доброго» переправить через Днепр между Киевом и Каневом⁷⁰.

Вместе с тем, как отметил еще Н. И. Костомаров [Костомаров, с. 260], предложенный план действий встретил возражения военачальников, которые должны были его осуществлять. Г. Г. Ромодановский писал, что идти к Днепру «от неприятелей опасно», а И. Самойлович предлагал сделать Днепр рубежом обороны⁷¹. Как представляется, такая позиция была связана с приходившими сообщениями о переговорах Собеского с османами и татарами, которые могли завершиться заключением союза против России⁷².

Тем временем прояснилось положение на южном театре военных действий. Представления Я. Собеского весны 1675 г. о планах противника оказались нереальными. Сосредоточение османской армии в районе Каменца показывало, что военные действия развернутся на территории Подолии. Уже 15 июня П. Свидерский вручил царю грамоту Яна Собеского, в которой король, извещая об этом, снова добивался «случения» войск⁷³. Так был вновь поднят вопрос о походе русской армии, перешедшей Днепр, на юг. В этих условиях для русской стороны особенно актуальным становился вопрос о соединении с крупными силами Речи Посполитой сразу после перехода за Днепр и о заключении договора с гетманами. Но эта сторона дела в королевской грамоте была обойдена молчанием.

Грамота от 15 июля положила начало целой серии документов, исходивших от короля и ряда сенаторов (Я. Гнинский, М. Пац, Д. Вишневецкий) с призывами к походу русской армии на юг. Эти грамоты, однако, не содержали ответа на указанные выше вопросы. Никаких крупных сил во главе с гетманами у Днепра не было. В царской грамоте от 13 августа с неудовлетворением отмечалось, что «корунные гетманы и иные урядники с войски стоять в рознь в городех — во Лвове, в Заложцах, в Станиславове, в Красном Ставу, а литовские гетманы с войски в Мерече и под Варшавою в малом собрании»⁷⁴. Предлагавшийся польско-литовской стороной план действий был изложен в письмах литовского канцлера К. Паца от 10 июля 1675 г.⁷⁵ К. Пац предлагал,

⁶⁸ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 4. Л. 230–231, 236.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 2. Л. 103–106.

⁷⁰ АЮЗР. Т. XII. № 51. Об отправке войск Ромодановскому писал в Варшаву и П. Свидерский (перевод его письма см.: РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 4. Л. 240).

⁷¹ АЮЗР. Т. XII. № 43, 48.

⁷² См. также: Там же. № 43–45 и в особенности № 46: король «уже с ними хочет миритца, а на противных себе их призывает».

⁷³ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 2. Л. 115–119.

⁷⁴ Там же. Л. 141.

⁷⁵ АЮЗР. Т. XII. № 54, 61.

чтобы русская армия перешла Днепр и ударила в тыл османам. У Днепра русскую армию будут ждать со своими отрядами полковники Лазинский и Гуляницкий, а гетман Д. Вишневецкий готов выслать в русскую армию своих представителей «на резиденцию»⁷⁶.

Все это никак не соответствовало договоренности, достигнутой с А. Клодницким. Не было речи ни о встрече армий на Днепре, ни о встрече с гетманами для заключения договора. Разумеется, ни полковники, ни люди, присланные на «резиденцию», не были лицами, чьи подписи были бы для московских политиков достаточной гарантией, да и о предоставлении им каких-то полномочий не говорилось.

Положение властей Речи Посполитой было нелегким. Вторжение осmano-татарских сил в Подолию требовало срочной концентрации войск в этом районе для останковки наступления и обороны Львова. В таких условиях Польско-Литовское государство не могло, конечно, направить к Днепру на соединение с русской армией главные силы государства во главе с гетманами. Однако, как представляется, он имел возможность направить сенаторов, наделенных полномочиями для заключения договора, на котором настаивала русская сторона. Такой шаг мог породить в дальнейшем ряд трудностей, так как гетманы должны были бы выполнять договор, который они не заключали, но, с другой стороны, мог успокоить (или ослабить) серьезные опасения русской стороны. Однако подобная попытка не была предпринята. Политики Речи Посполитой добивались похода русской армии на юг, не принимая на себя каких-либо обязательств по отношению к ней.

Ян Собеский доказывал, что переправа через Днепр не представляет для русских войск опасности — «уж воды в Днепре опали и берег от повреждения на переселение войск свободен... через умаление Дорошенковы силы и отдаление войск татарских»⁷⁷. Не опасности переправы через Днепр беспокоили русских политиков. С Украины сообщали о заключении мира и союза против России между Речью Посполитой и Османской империей, когда Подолия отходит к османам, а султан обещает, «Украину и Киев общими силами добыв», «привратить» Польско-Литовскому государству⁷⁸. Получив такие известия, А. С. Матвеев 27 июля потребовал объяснений от польского резидента⁷⁹. Все же в тот же день Самойловичу был направлен царский указ идти к Днепру с войском и начать переговоры с гетманами⁸⁰. В тот же день и Ромодановскому было приказано выступить из Курска⁸¹. В беседе с царским посланцем С. Щеголевым 6 августа гетман И. Самойлович резко высказался против соединения своих войск с польской армией: «лучше смерть принять, нежели у поляков в безчестии и порабощении быть»⁸². При этом был предпринят еще один шаг для выполнения достигнутой договоренности. Было принято решение об отправке для заключения соглашения с гетманами думного дворянина И. И. Ржевского⁸³. В августе гетман известил царя, что он и Г. Г. Ромодановский направили своих представителей к гетману Д. Вишневецкому, очевидно, чтобы договориться о времени и месте переговоров⁸⁴.

Тем временем османская армия двигалась вверх по Днестру, приближаясь ко Львову, где стоял в укрепленном лагере Ян Собеский. Недалеко от города 14/24 августа произошло сражение его войск с татарским авангардом армии. После этого были предприняты новые

⁷⁶ Такие же предложения содержало и письмо Д. Вишневецкого Г. Г. Ромодановскому от 13 июля (РГАДА. Ф. 229 (Малороссийский приказ). Оп. 2. Кн. 38. Л. 46–48).

⁷⁷ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 2. Л. 160.

⁷⁸ АЮЗР. Т. XII. № 58. Стб. 174.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 4. Л. 222 и сл.

⁸⁰ Об этом см. в царской грамоте от 6 августа (АЮЗР. Т. XII. № 69. Стб. 199).

⁸¹ Там же. Стб. 200.

⁸² Там же. № 72. Стб. 211.

⁸³ См. об этом в грамоте Самойловичу от 6 августа (Там же. № 69. Стб. 200–201).

⁸⁴ Там же. № 72. Стб. 214. Гонец Г. Г. Ромодановского И. Беник смог встретиться с Д. Вишневецким 18 сентября и лишь к 26 октября приехал к командиру в Курск (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 38. Л. 240–241).

попытки властей Речи Посполитой добиться похода русской армии на юг. На следующий день после сражения М. Радзивилл направил своих посланцев к Г. Г. Ромодановскому с призывом перейти Днепр (переправа через него вполне безопасна) и идти на юг к Бару или Межибожу. Для встречи русских войск назначены «резиденты»⁸⁵. Тогда же к Г. Г. Ромодановскому обратился и Д. Вишневецкий, предлагая ему перейти Днепр и назначить время и место для переговоров о «случении сил»⁸⁶. Наконец, 16 августа н. ст. обратился к Алексею Михайловичу и сам Ян Собеский. Пусть царь прикажет воеводам перейти Днепр, чтобы они «ровно с нами» «за неприятелем, когда тыл подаст, итти были готовы»⁸⁷. Таким образом, в грамотах короля и М. Радзивилла вообще не упоминалось о каком-либо соглашении между командующими армиями, а в письме Д. Вишневецкого такие переговоры предполагались уже после выступления русской армии в поход.

В своем ответе Д. Вишневецкому Г. Г. Ромодановский разъяснял, что следует установить «договорное место» «для слученія войск тотчас», где находились бы главные силы Речи Посполитой во главе с гетманами. Он не может договариваться, «покамест вы меж собою не соединитесь» и «войск всех... не случите». В этом случае он готов «договор чинить»⁸⁸.

В документах, исходивших из Москвы, также подчеркивалось, что главное условие военно-политического сотрудничества — предварительное заключение договора. В письме к В. М. Тяпкину А. С. Матвеев объяснял, что Кладницкому было «дано ведать, о чем договору быть надобно» и что «в то время будет и случение, как учинитца договор»⁸⁹. В ответе Алексея Михайловича на грамоту Яна Собеского также подчеркивалось, что войска пойдут в поход, когда гетманы заключат с Ромодановским и Самойловичем договор и «руками своими подпишут»⁹⁰.

Тем временем русско-украинская армия двигалась к Днепру. К Г. Г. Ромодановскому прибыли посланцы М. Радзивилла⁹¹, а И. Самойлович получил грамоту от М. Паца с призывом «вместе того бусурмана воевать»⁹². За этим последовало коллективное обращение сенаторов из Львова⁹³. Однако в этих обращениях вопрос о заключении договора совсем не затрагивался, ни о каких обязательствах польской стороны, о каких-либо договоренностях между сторонами речи не было. М. Радзивилл, правда, прислал к Ромодановскому «резидентов» из Короны и Литвы, но Ромодановский 20 сентября отправил их обратно⁹⁴.

К концу сентября в Москву стали приходиться «вести» об уходе осmano-татарских войск⁹⁵. В отписке Г. Г. Ромодановского, полученной 8 октября, сообщались сведения об отступлении османов, имевшиеся от казаков, которые были «на резиденции» от П. Дорошенко у хана⁹⁶. 15 октября в Москве было принято решение о роспуске армии⁹⁷.

Однако, несмотря на безуспешный исход переговоров, вопрос о сотрудничестве двух государств не снимался с повестки дня. В. М. Тяпкин сообщал, что война будет продолжаться и османы готовятся к ней, чтобы захватить Украину⁹⁸. Вместе с тем стало известно, что Собеский сумел собрать для борьбы с османами значительную армию — 30-тысячное войско «самое

⁸⁵ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 3. Л. 18–20 об.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 38. Л. 49–51.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 2. Л. 189–190.

⁸⁸ Грамота Г. Г. Ромодановского (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 38. Л. 52 об.—56).

⁸⁹ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 6. Л. 229.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 2. Л. 198.

⁹¹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 38. Л. 78–78 об.

⁹² Там же. Л. 106 об.—109 об.

⁹³ АЮЗР. Т. XII. № 90.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 38. Л. 120–122 об.

⁹⁵ АЮЗР. Т. XII. № 87. Стб. 253.

⁹⁶ Там же. № 90. Стб. 264.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 38. Л. 175 об.—177 об.

⁹⁸ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 6. Л. 323, 349–350.

доброе, конное и оружейное»⁹⁹. Решение о коронации Яна Собеского в начале 1676 г. говорило об ослаблении конфликтов в правящем слое Речи Посполитой. Зимой 1675/1676 г. в Москве были приняты важные решения. Был подготовлен план организации большого похода на Крым армии из войск Г. Г. Ромодановского и И. Самойловича. К началу похода войска должны были сосредоточиться в районе Торских озер [Максимов, с. 87]¹⁰⁰.

Как увидим далее, решение о походе было частью более обширного плана, предусматривавшего заключение нового соглашения между Россией и Речью Посполитой. Сведения об этом содержатся среди указаний, направлявшихся из Москвы В. М. Тяпкину. Из них выясняется, что 14 января 1676 г. польскому резиденту в Москве была вручена царская грамота «об отвращении с обеих сторон неприятельского наступления и о продолжении... перемирных лет». В. М. Тяпкину был направлен текст будущего договора и даны полномочия скрепить его от имени царя при достижении договоренности с «думными людьми» Речи Посполитой. В посланном проекте соглашения не следовало ничего «прибавлять» или «убавлять»¹⁰¹. Проект договора открывался общим постановлением о соблюдении «без нарушения» Андрусовского договора и продлении его срока действия еще на 13 лет¹⁰². Это установление было для русской стороны (как и ранее) гарантией того, что будущие мирные соглашения с османами не приведут к разрыву мирных отношений между Россией и Речью Посполитой. В Москве, конечно, понимали, что такое условие для Речи Посполитой невыгодно, но, по-видимому, рассматривали это как компенсацию за помощь Речи Посполитой с русской стороны.

В дальнейшем тексте проекта договора указывалось, что с 8 апреля, если король согласится, русские войска пойдут походом на Крым. Король одновременно должен направить свои войска «к Дунаю и за Дунай», чтобы султан не мог оказать помощи хану. Такое обращение, как представляется, было неслучайно выдвинуто в то время, когда в Варшаве собрался коронационный сейм. От него, по-видимому, и ожидали соответствующих решений.

Встреча В. М. Тяпкина с делегатами сейма (сенаторами и членами посольской избы) состоялась 3 марта. Русский план не был принят. Делегаты заявили, что в Молдавии находятся крупные силы османов «и невозможно им одним без посылок и в своей земли устоять, не токо итти к Дунаю и за Дунай». Был снова поднят вопрос о «случении сил»¹⁰³. На состоявшихся далее встречах резидента с К. Пацом, а затем с К. и М. Пацами 4, а затем 10 марта снова шла речь о посылке на соединение с войсками Речи Посполитой 30–40-тысячной русской армии. При этом, однако, вопрос о каких-либо соглашениях двух государств, связанных с таким походом, не поднимался¹⁰⁴. Не было о них речи и в ответной грамоте Яна Собеского от 20 марта н. ст., адресованной уже новому монарху — царю Федору¹⁰⁵.

Чтобы осуществить свой план, Ян Собеский в конце апреля 1676 г. направил в Москву своего посланца А. Чихровского¹⁰⁶. Переговоры в Москве затянулись надолго и завершились во второй половине июля. Речь снова шла о походе 40-тысячной русской армии на Правобережье «по обещанию» короля или гетманов¹⁰⁷.

Когда А. Чихровский излагал и отстаивал свои предложения, в Москву приходили вызывавшие тревогу сообщения В. М. Тяпкина. В большом письме от 29 апреля он снова писал

⁹⁹ АЮЗР. Т. XII. № 98. Стб. 284–285.

¹⁰⁰ К 8 апреля войска Г. Г. Ромодановского и И. Самойловича должны были собраться «под Колонтаевым у реки Мерли» (РГАДА. Ф. 229 (Малороссийский приказ). Оп. 2. Кн. 38. Л. 319).

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 79. 1676 г. № 4. Л. 3–7.

¹⁰² Там же. Л. 11.

¹⁰³ См. об этом в письмах В. М. Тяпкина А. С. Матвееву (РГАДА. Ф. 79. Кн. 178. Л. 126–130) и в записке подьячего В. Тимофеева (РГАДА. Ф. 79. 1676 г. № 7. Л. 11–15).

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 79. Кн. 178. Л. 132–134, 144–149.

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 79. 1676 г. № 2. Л. 1–14.

¹⁰⁶ Его верительная грамота датирована 21 апреля н. ст. (РГАДА. Ф. 79. 1676 г. № 13. Л. 108–111).

¹⁰⁷ Там же. Л. 170.

об антирусских планах Собеского. Он добивается мира с Османской империей, чтобы в будущем обратиться «за помощью и посылками французскими и шведскими на Московское государство»¹⁰⁸. Одновременно от него приходили тексты документов Яна Собеского, говорившие о плохой подготовке Речи Посполитой к войне с османами. В одном из этих документов читались королевские слова: «мошно ли человеку о войне договариватца без войска, а войско имети без денег»¹⁰⁹. 12 июля в Москве был получен универсал Яна Собеского, где говорилось, что «сеймики продолжены, дачи опозданы и высылки к августу отложены, ратные люди многие лета не пожалованы, указов не слушают и в обоз, бояся голоду, не собираются»¹¹⁰.

Все это оказало влияние на позицию русской стороны на переговорах, которая в своих главных чертах осталась той же, что и в 1675 г. Г. Г. Ромодановский и И. Самойлович с войсками должны идти к Днепру, куда на встречу с ними придут гетманы «со всеми войсками», где будет заключен договор о совместных действиях, а «не договорясь о всех делах... итить от Днепра невозможно»¹¹¹. Попытки посланца добиться, чтобы царь отправил войска, «не разсуждая никаких договоров»¹¹², или чтобы договор был заключен после соединения армий в Подолии¹¹³, были безрезультатными. Таким образом, на переговорах были снова изложены те условия военно-политического сотрудничества, которые предлагались польско-литовской стороне в 1675 г.

Последующий ход событий во многом повторял то, что произошло в 1675 г. К середине августа русско-украинская армия подошла к Днепру [Костомаров, с. 267]. Однако никаких гетманов с войсками на другой стороне Днепра не было. Предпринимались попытки связаться с гетманами. Так, 30 августа к гетманам был отправлен гонец Б. Моршевский¹¹⁴. Об отправке посланцев к гетманам И. Самойлович писал царю 8 сентября¹¹⁵. Связь, однако, так и не была установлена. В грамоте от 19 сентября гетман писал, что не только нет связи с гетманами, но и неизвестно, где находятся они и их войска¹¹⁶.

Тем временем власти Речи Посполитой прилагали усилия, чтобы добиться похода русской армии на юг. 19 сентября П. Свидерский передал в Посольский приказ соответствующее письмо М. Матчинского, одного из наиболее близких к Собескому людей¹¹⁷, а 1 октября за ним последовало аналогичное письмо М. Паца¹¹⁸. Активность польско-литовских военачальников была, однако, в 1676 г. гораздо слабее, чем в 1675 г. Сам польский резидент связывал это с тяжелым положением королевской армии — татары везде «стоят и разоряют», «около войск королевского величества стоят многие рати»¹¹⁹. Полученные письма не содержали конкретных предложений, которые могли бы заинтересовать царя и его советников. Впрочем, еще до получения письма М. Паца царская грамота от 30 сентября одобрила предложение И. Самойловича о возвращении армии на места дислокации и ее роспуске¹²⁰.

Все же в Москве были встревожены происходившими событиями. 6 октября царю и боярам читали «цесарские куранты» с сообщениями о наступлении османов, которые «наши все замки, и села, и деревни разорили и стены их раскопали». После этого было решено отправить к королю гонца Прокофия Возницына с обещанием помощи «и чтоб чинил ведомость, каково у вас

¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 79. Кн. 178. Л. 209–209 об.

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 79. 1676 г. № 4. Л. 224–225.

¹¹⁰ Там же. Л. 375.

¹¹¹ РГАДА. Ф. 79. 1676 г. № 13. Л. 253, 265, 289 об.

¹¹² Там же. Л. 256.

¹¹³ Там же. Л. 261–262.

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 119. Ч. 1. Л. 94 («расспросные речи» Б. Моршевского).

¹¹⁵ Уп. об этом в грамоте И. Самойловича от 27 сентября (РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 127. Л. 26).

¹¹⁶ Там же. Л. 32.

¹¹⁷ РГАДА. Ф. 79. 1676 г. № 6. Л. 65–68.

¹¹⁸ Там же. Л. 120–121.

¹¹⁹ Там же. Л. 100–101.

¹²⁰ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 127. Л. 40–41.

с неприятели поведение». Одновременно царь предлагал Яну Собескому дать указ гетманам, как «чинить всякой воинской промысл»¹²¹. Речь Посполитая оказалась в трудном положении и следовало обещать ей помощь и сотрудничество в будущем. И гонцы, отправленные гетманом Самойловичем в конце августа, и тем более Прокофий Возницын прибыли на место уже после того, как был заключен сепаратный османо-польский мир.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд вполне определенных выводов. Ряд данных определенно говорит о серьезном отношении русских политиков к планам совместных действий против османов. Неслучайно именно в эти годы неоднократно поднимался вопрос об участии в походе против «басурманов» самого царя Алексея Михайловича. Мобилизация армии и ее длительное стояние у Днепра требовали также, конечно, значительных материальных расходов, но, очевидно, признавалась их необходимость.

Изучение материалов русско-польских переговоров позволяет четко охарактеризовать позиции, которых обе стороны последовательно придерживались. Позиция польско-литовской стороны состояла в том, что Россия должна была направить на Правобережье крупную армию, которая поступала бы под командование Яна Собеского и действовала в соответствии с его планами. При этом неоднократно делались заявления, что в этом походе со стороны военачальников и населения Речи Посполитой ни русской армии, ни казацким полкам в ее составе ничего не угрожает.

С позицией русской стороны на переговорах дело обстояло гораздо сложнее. Вопрос о посылке армии на «случение» с войсками Речи Посполитой приходилось решать в условиях, когда в Москву (прежде всего от русского резидента в Варшаве) поступали сведения о мирных переговорах Яна Собеского с османами и его антирусских планах, связанных с заключением мира, о плохом состоянии вооруженных сил Речи Посполитой, которые голодают и не пополняются, о серьезных внутривнутриполитических конфликтах в Речи Посполитой, которые могли привести к повторению событий 1672 г. Имело значение и то, что войска Речи Посполитой осенью 1674 г. не оказали помощи русским войскам в борьбе с османами. В таких условиях был поднят вопрос о гарантиях того, что русская армия на Правобережье не окажется в критическом положении. Как такую гарантию в Москве рассматривали специальную конституцию сейма — высшего органа власти. Когда сейм не был созван, возникла идея заключения на Днестре при встрече двух армий договора между военачальниками с русской стороны и гетманами, который определил бы характер взаимодействия между ними. Гетманы как лица, в руках которых находилась вооруженная сила государства, были бы гарантами выполнения соглашения. А русские военачальники на месте могли бы убедиться, что Речь Посполитая преодолела конфликты и выставила для борьбы с османами серьезную военную силу. Условия сотрудничества были четко сформулированы и переданы польско-литовской стороне.

Такие договоренности были достигнуты, но при переходе к их практическому исполнению возник целый ряд препятствий. При долгих переговорах на больших расстояниях и запоздалых решениях о сборе войск неоднократно создавались ситуации, когда русско-украинская армия выходила к Днестру уже после вторжения османо-татарских войск в южные области Речи Посполитой. В таких условиях военачальники Речи Посполитой не могли отвести войска к Днестру на встречу с русской армией. Об этом они неоднократно писали военачальникам другой стороны. Эти доводы, конечно, были серьезными, но обращает на себя внимание то, что в этих документах не обнаруживается какого-либо стремления в чем-либо пойти навстречу русским предложениям. Конечно, нельзя было направить к Днестру значительные войска, но можно было бы направить на встречу с русскими представителями сенатора со значительными полномочиями

¹²¹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 181. Л. 10 об.—16.

с проектом договора, которого добивалась русская сторона. Однако ничего подобного не предлагалось. Русская армия должна была идти ко Львову воевать с османами без каких-либо обязательств с польско-литовской стороны.

Польская сторона просто пыталась реализовать предлагавшийся ею на переговорах план действий, не предусматривавший ни установления характера взаимодействия двух армий, ни выработки ими совместного плана действий. Русская сторона не могла с этим согласиться. Дело было не только в том, что русская сторона добивалась равноправного сотрудничества. Располагая сведениями об антирусских планах Собеского, царь и его советники не могли рисковать армией, не имея гарантий, которые польско-литовская сторона упорно не давала.

Литература

- Замысловский Е. Е.* Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича. СПб., 1888.
- Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. СПб., 1905. Кн. 6. Т. 15 (Руина).
- Максимов М. Н.* Проект русского наступления на Крым в годы польско-турецкой войны (1672—1676) // Славянский сборник. Саратов, 1993. Вып. 5. С. 77—90.
- Попов А. Н.* Русское посольство в Польше в 1673—1677 гг. СПб., 1854.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. VI.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. VII.
- Флоря Б. Н.* «Измена» Яна Собеского и русско-польские отношения 1667—1673 гг. // Świat pogranicza. Warszawa, 2003.
- Флоря Б. Н.* Посольство И. И. Чаадаева в Речь Посполитую и судьба русско-польского союза // Исторический вестник. М., 2013. Т. 6 (153). С. 8—17.
- Darowski A.* Szkice historyczne. SPb., 1894. Ser. 1.
- Korzon T.* Dola i niedola Jana Sobieskiego (1629—1674). Kraków, 1898. Т. III.
- Wagner M.* Wojna polsko-turecka w latach 1672—1676. Zabrze, 2009. Т. II.
- Wójcik Z.* Między traktatem Andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667—1672. Warszawa, 1968.
- Wójcik Z.* Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji 1674—1679. Wrocław etc., 1976.
- Woliński J.* Komisja andruszowska 1674 roku // Księga pamiątkowa ku uczczeniu 25-lecia działalności profesora Marcelego Handelsmana. Warszawa, 1929. S. 501—511.